

18+

АРТЁМ ПЕТРОВ

[НЕ]ГЛИНЯНЫЕ

СТИХИ

Артём Петров

[Не]глиняные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67221294

SelfPub; 2022

Аннотация

Вы встретите на страницах этой книги героев Шекспира и дедушку Ленина, графа Сен-Жермена, Гретхен и дона Румату Эсторского, Понтия Пилата и Элвиса, господина ПЖ с планеты Плюк, ангелов, дворников, блудниц, воспитательниц детсада и проч. и проч. Мир образный, временами противоречивый (материал для сборника писался пять лет, в 2016-2021 годах). Мир, где жизнь мешается с литературой, историей, искусством. Возможно, будет Вашим миром.

Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержание

«Мир, этот мир...»	7
Из цикла «Булгаковские мотивы»	10
«Кот вверяет мечты и думы окну...»	10
(вариант)	12
– Елене Штефан	15
«Бог, вероятно, в далёких испанских рясах...»	21
«Воскресай...»	23
«Шершавит ветер склады...»	24
«Слепые черти жарили своих...»	25
«Дозволял огню полыхать...»	27
Story	29
«Оппортьюнити»	31
«Когда пьёшь и спишь...»	33
«Мир – лежащий меж строк...»	34
Камни	36
«Над собором сегодня не то что восход...»	37
«Ветер не виден явно в чреве листвы...»	39
Белочка	40
Р&Дж	41
Хайку	43
«Меня помяни...»	45
«Сен-Жермен завещал мне отраву...»	47
«В центре вселенной...»	49

Завтра в школу	51
Мечта	52
«Там, где автостоянки...»	53
Путеобходчик	55
Сказка	56
Путник	57
Чайное	58
«Хочешь вишни?...»	59
«Путь мимо дороги чуть подёрнут луной...»	61
Истина	64
«Перебивки прежде чётких линий...»	65
«Спящая сторожка...»	67
Постновогоднее	69
Ночь перед Рождеством	70
Чертополох	71
(Саргассово(?))	72
«Ночевала тучка золотая...»	73
Изумрудный город	75
«Скол грязно-белый...»	77
Гретхен	78
«Стеклом по копоту стрекоз...»	80
Птица	81
«Дышат крылья кошки на последнем этаже...»	81
«Тайнопись солнца читается через листву...»	82
Колобок	83

Приготовление яда	84
Рождество	85
Аз буки веди	87
В первом году	90
Танец фей	92
«Войти в колосья снега, затеряться...»	93
Халиф	94
Конец Света	95
«Спит голубиная почта на подступах к Че...»	96
Остров молчания	97
«Двух параллельных кривых отрешённые точки...»	98
Керамзит	100
В переходе	101
Аналоговый снег	103
Старый дом	104
Две реки	106
«Корни вцепились в горячую землю...»	109
«Стремился к высокому...»	111
«Запечатанное в бутылку письмо с того света...»	112
День седьмой	114
Бог не умер	115
«Пейзажная ценность картона не выше нуля...»	116
У реки	118
Фауст	122
Об авторе	124

Благодарности

125

Пароли, явки

126

Артём Петров [Не]глиняные

«Мир, этот мир...»

Мир, этот мир, без жертвы твоей жил миллионы лет.

Не выходи из комнаты, не выпадай из гнезда.

Ешь кровь и печень ложками, гни в вечность с порога
след.

Может, кто, сохнувший бинт увидав, скажет, а вот звезда.

Может, кто соберет волхвов и – прямиком до тебя.

Золото, ладан, смирна, спирт – чтоб пережить карантин.

Крикни в форточку: эй, вы, кто ищет Царя, ребят!

Здесь я, доевший нутро до кости, не доживший до седин!

Не выходи из комнаты, найдут и доставят к двери

Золото, ладан, смирну, спирт, что ты там заказал,

Робкое ли дыхание, шёпот, клочок зари,

Генисаретский прибой, кафе, заброшенный морвокзал...

Тихо ползёт из-за дома гюрза, режет глаза гроза,

Ранняя, с кровью мешанная, праведная слеза...

>>[A]<<

Из цикла «Булгаковские мотивы»

«Кот вверяет мечты и думы окну...»

Кот вверяет мечты и думы окну;
Видит в вольво и фордах дымы костров;
Видит в красных пальто колоннады и кровь;
Глушит старой геранью чужую вину.

Сонная бабка сметает кота с окна;
Пьет корвалол, и мажет, и мажет спину;
Видит в людях первоначальную глину;
Перебирает обрывки серого сна;

Машет дворнику. Дворник сегодня суров:
Пьет из горла, материт про себя листву;
Мысленно – пишет стихи, уезжает в Москву;
Видит в вольво и фордах дымы костров;
Видит в красных пальто колоннады и кровь.

Сонная бабка сметает кота с окна;
Пишет стихи для соседки, и вечности тоже;
Думает, будь она помоложе...
Впрочем, она была молода сполна.

Кот объедает герань за листком листок,
Едет в Москву с иностранцем в чёрном берете.
Сонная бабка – у зеркала, не одета.
Дворник седлает метлу, поэтичен и строг.

Старый камин гудит и чадит едва.
Дворнику – штраф за езду на метле без прав.
Кот ухмыляется, лезет за спиртом в шкаф.
Там же – шахматы, примус и голова.

(вариант)

Мраморная ласточка дворца,
Склёвывающая с сада пену;
Вкус у фруктов и вина отменный,
Словно пена крови на арене;
Гордый зверь, спускаешься с крыльца.

Золото и ладан – на поклон;
Суета рабов в неверном свете
Масляных светильников, и этот
Шаг закованных в броню атлетов...
Помнишь ли ты это, игемон?

Помнишь крики «Аве!» с площадей,
Воскурения, любовь наложниц? –
Если в дозах быть неосторожным,
Проступают нимфы; грани – ложны;
Зримо расцветает асфодель.

Боль была расплатой. Ну и что ж?
Боль, как тело, никуда не делась.
Ты обрел лишь нищету и серость.
Этого тебе всю жизнь хотелось?
Посмотри, на что ты стал похож!

Посмотри (возьмет тебя тоска,
Прежнего властителя?) – ты стёрся,
Как ковёр с густым когда-то ворсом:
Волосы слежались, ноги босы,
Треснул посох в высохших руках.

На плечах – отрепья тех времён,
Что, должно быть, помнят гибель Трои;
Тусклый взгляд, и память – на второе;
Ветер рвы меж старых рёбер роет.
Как ты изменился, игемон!

Кто тебе поклонится теперь?
Разве раб или ребёнок – в шутку.
Разве кто лишившийся рассудка,
Как и ты. Тебе ещё не жутко?
Игемон, ты червь теперь, поверь.

Кто теперь подаст тебе вина?
Разве украдёшь, – вдвойне дороже
Изрубцованной заплатишь кожей.
Да и ты, как старый пёс, не сможешь –
Здесь сноровка, молодость нужна.

Кто к тебе проявит интерес?

Разве что «волчица» – по работе;
Если вообще проявит что-то –
Не найдёшь и унции в своей суме...

– Зато тот
Проповедник не пошел на крест.

– Елене Штефан

Свет фонарей, дробящий пространство:
жёлтые листья, лужи, редкие пары –
словно с абстрактной картины,
словно художник рассыпал
все по холсту
в беспорядке/порядке,
ведомом лишь посвящённым.
Пары глядят друг на друга/в зеркало.
все очень мирно, как будто
завтра – последний день
или что-нибудь вроде –
праздник песах,
гости на Патриарших.

Думаю: кровь – это важно,
может, вопросы крови
сложнее вопросов мытаря к миру,
вопросов тождества волн в океане,
рисунка ветки в пространстве
за бурный век.

Думаю, что твою прапрапрапра-
Генрих Четвертый Наваррский
в энном далёком году нашей эры –

назвал своею женой.

Смотрю на тебя, понимаю, – это
более чем возможно.

Ты говоришь, я обязан,
просто обязан,
может быть, прямо сейчас
сесть написать роман о Пилате.

Ты даже знаешь, как я начну:
«В белом плаще с кровавым подбоем...»
Мир обретает сходство с ночной Иудеей;
тьнь привычным движением
льёт из чаши во фрукты
первый глоток – богам.

*

Я не выигрывал денег
и не снимал в цоколе комнат
с печкой и окнами в уровень тувель,
дивных тувель с накладками в виде бантов,
не был историком,
просто писал стихи.
Встретились мы с тобою вовсе не в переулке,
ты не несла мимозы в руках и не бросала их в грязь,
и всё же...

*

Были осенние парки,
были жёлтые листья, лужи, свет фонарей,
дробящий время
на прошлое и настоящее,
на то, что было, и то, что есть,
словно художник поверх одной
писал совершенно другую картину.

Мне иногда казалось:
ты замужем за инженером,
мы встречаемся тайно,
едим печёный картофель,
пока под дождём бушует сирень.
Я задавался вопросом,
видишь ли это ты?
Ты улыбалась лукаво,
видела наше общее завтра
в интеллигентных парах
где-нибудь в библиотеке.
Здесь – седовласый мужчина
(вовсе не в римском панцире,
без портсигара и свиты)
спутнице тихо шептал
тонкости интернета;
там, где я был, – я видел только тебя,

может, ещё печеный картофель,
гроздья теряющий куст сирени,
тень с чашей в руке;
думал, что кровь – это важно,
как полнолуние в мае,
может, как стук калитки,
если сидишь и ждёшь.

Ты говорила, что я обязан,
просто обязан,
может быть, прямо сейчас
сесть написать роман о Пилате.
Я – глядел на тебя,
я – молчал.
Свет фонарей уходил в перспективу,
жёлтыми нитями связывая реальность
с чем-то большим.

*

После того была тьма –
древняя, грозная, – цвета чернил,
цвета вины, которая –
только на мне.
Сильно горела щека,
я – стоял и курил и думал.
Думал: вопросы крови сложнее –

сложнее вопросов жизни и смерти,
поступка и воздаяния,
сложнее боли, когда не спасают
вино и прохлада.

Свет фонарей исчез,
отдробил пространство и время,
оставив лишь чёрный холст,
может, пустую раму.
Тьма накрыла Ершалаим, –
башню, сады, переулки, базары,
гордых богов гипподрома, дворец, –
весь великий город;
тьма залезла в форточку спрутом,
я стоял и курил и думал,
я – жёг тот роман, который
писал урывками втайне, и –
когда почернела последняя из страниц, –
разбил ботинком бледное
«В белом плаще с кровавым подбоем...»,
мысленно поцеловал тебя,
как – твою прапрапрапра- – Генрих Четвертый,
выкинул сигарету,
вновь закурил,
сломал,
достал телефон из кармана...

*

Вижу: беззвучный режим,
от тебя шесть звонков и одна смс: «Как ты? «

Я не знаю, что можно сказать,
все слова обернулись плясками пламени,
и не загнать, не поймать, словно
это – последний день,
или что-нибудь вроде –
праздник песах,
гости на Патриарших,
майское полнолуние,
дымный картофель,
рваные гроздья сирени,
тень с нетронутой чашей вина,
тень у Лысой горы.

Я думаю, что вопросы крови сложнее...
Я – звоню.

«Бог, вероятно, в далёких испанских ряях...»

Бог, вероятно, в далёких испанских ряях.
Время, Фернан, позабыть про его чудеса.
Тряпка бордовая, курево на батарее,
Травит сосед на площадке бойцовского пса.

Шлёпанье ног по паркету, шумит смеситель,
Дым сигаретный не хочет идти в мороз.
Ты превратишься, Фернан, в этот вечер в сито.
Где-то на грани твоих мальчишеских грёз

Был этот вечер: шипели копыа туземцев,
Шлем с золотою насечкой глотал прибор.
Не было только странного серого Энска,
Не было той, что была в этот вечер с тобой.

Время, Фернан, неудобное время нерва.
Время припомнить, с чего начиналась игра.
Пел сумасшедший севильский: «Не быть тебе первым! «
Выл сумасшедший севильский: «Не быть тебе первым! «
Ты понимаешь его, капитан-генерал.

Энск. На секунду она обернулась в проёме,
Ты разобрал: «не сегодня...», «ошибка...», «прости...»
Пёс захлебнулся от воя, ни до, ни кроме
Ты не сжимал столько горечи дымной в горсти.

Куришь и пьёшь и хватаешь лёгкими море.
Золото рыб горит на святом Петре.
Время, Фернан, за кем-то идти до дверей.
Куришь и пьёшь и хватаешь лёгкими море.
Пёс за окном сумасшедшему воем вторит.
Куришь и пьёшь и хватаешь лёгкими море.
Тряпка бордовая крови с волною спорит.
Спорит тряпка и –
Обрывает бред.

«Воскресай...»

Воскресай под тягучую тему «Твин Пикс».
Этот кадр уплывёт (с золотой лесопилкой).
Уплывут, в зарешёченных окнах, бутылки.
Уплывут, так едино обриты, затылки.
Уплывёт полстраны, выпуская закрылки.
Убирая шасси, уплывёт царь Борис.
(Что там было ещё – не припомнишь, так вылги.)

Воскресай в безнадёжно потерянный лес,
В ненащупанный путь (без пути и дороги),
В письма, где едва и пропущены слоги,
Где костры в обветшавшей хоккейной коробке,
Где картошка в золе, и костры до небес –
Оплетают нездешнего мира пороги.

Воскресай, чтобы вспомнить с грехом пополам,
Распознать сквозь закрытые намертво веки,
Сквозь крошечные тропы, рубежные реки,
Бесфонарные улицы, ночи, аптеки, –
Воскресай, чтобы вспомнить с грехом пополам,
Как стремился ты в белый, как сажа, вигвам,
Как стремишься ты в белый, как сажа, вигвам,
Чтобы выйти другим (не скажу – человеком).

«Шершавит ветер склады...»

Шершавит ветер склады с сахарным тростником
В далях далёких, там, где мамонты и тюлени.
Тучи разводит Фидель, да как-то легко-легко,
Словно всё за него – добрый дедушка Ленин.

Мимо него летят что-то опять бомбить,
Нефть выбивать и газ на всяких разных наречиях.
Хочет Фидель уйти, спокойно себе курить,
Уходит, и навсегда, в тихий вчерашний вечер.

Дедушка Ленин ткёт розовый, в искру, закат.
(Капитализму смерть, да здравствует новая эра!)
Дедушка Ленин там, где кончаются облака,
Смотрит из своего незакатного СССРа.

Там – золотятся хлеба, лампочка в десять ватт,
Дети сыты, умны, и пятилетка в две смены,
Русский эстонцу брат, не хочет никто воевать...

Помилуй нас и спаси, добрый дедушка Ленин.

«Слепые черти жарили своих...»

Слепые черти жарили своих.
Шекспир кропал, что в Дании неплохо,
Горел, в шелках и позолоте, стих,
(Как будто) кто-то подменил эпоху.

Беспечный Гамлет не видал теней,
Не истерил высоко на подмостках.
Косяк (дверной?) мусолили подростки.
Милицанер – чем дальше, тем сильнее –
Предвидел в школьниках Дали и Босхов.

Горел весёлыми огнями Эльсинор,
Как прочие кремли и бундестаги.
Горели по округе с давних пор
Склады, бумаги, денежные знаки.

В народе возрождался свальный грех,
И заповедь «не сотвори кумира»
Выплескивалась в праздник за квартиры.
Беспечный Клавдий не стеснялся пира...

И лишь Офелия – провидица за всех, –
Офелия плыла меж тёмных вех,

Сжимая в кулачках весь ужас мира.

«Дозволял огню полыхать...»

Дозволял огню полыхать и жрать, и
Сам песок ссыпал из часов в мешки.
Кто писал про вечность с пустой кровати,
Тому светит станция Петушки, –

Заливать про былё, былё залить бальзамом,
Отбиваться от сладколюбых ос.
Заходи, вечер (ты ведь верным самым).
Будем пить зелёный как купорос.

Будем пить бордовое как гранаты.
Будь.
Кастрюля с пеплом ещё горяча.
Задымляет дым, как буран когда-то.
И как будто за снегом горит свеча.

Эх, вечер, мы забыли, забыли напрочь
Это самое (сладкая же пора!):
Тихо капал воск на глухую на ночь.
Капал воск цвета пьяного янтаря,

Капал воск, как нездешнее что-то капал.
Под присмотром партии Ильича

Башмачки со стукот спадали на пол.
Капал воск, на столе горела свеча.

Story

Espionage is a serious business...

«Moonlight and Vodka»

Крис де Бурз

«That dancing girl is making eyes at me,

I'm sure she's working for the K.G.B.»

(Говорит она человеческим голосом: «Не губи.

Я тебе ещё пригожусь, Джеймс, т.е. Крис.

В радости, в горе, в похмелье».)

А в небе диск

Ко всему приученный напоминает опять,

Как Алексан-Александрычу Блоку подали ложных опят.

«Я тебе ещё пригожусь, Джеймс (т.е. Крис)», –

И блеск неестественно-мягкий контактных линз...

Послушай сценарий, Джеймс: ты соблазняешь её,

С Веничкой вместе – коктейли одеколонно-портвейнные

пьёшь,

Спасает попутно от катастрофы западный мир,

Девушка погибает влюбленной, как завещал Шекспир,

Где-нибудь ближе к финалу (постельную сцену туда),

А с неба сыплет и сыплет советская псевдо-вода.

Вот это – «Moonlight and vodka takes me away», –

Пой для своих, заграничных, стальных и хрустальных

фей.

А Веничка с Блоком встретят совсем не ту, –
Таинственную, как высадка на Луну, шёлковую красоту –
В тамбуре поезда, идущего через года.

Пой, Крис, «Midnight in Moscow», мы все не туда.

Мы будем в городе Че, в распивочной «Русский квас».

К полуночи, может и раньше, перевербуют вас.

И никаких К.Г.В., лишь пиво да пирожки,

Да дальнобойщики, да бывшие балерины, да литкружки,

Да та, из тамбура, вся в шелках, да кривящийся диск...

Пой, пой: «Here is my native town», Джеймс.

Подпевай ему, Крис.

«Оппортьюнити»

Толком не разобрать –
То ли жуки шалят,
Папорот ли цветёт
Или приборы устали.
Вышвырнул счётчик миль,
Снёс батарею в утиль –
Здесь без того кисель
И молоко местами.

Но Хьюстон (без Хью – никуды)
Просит и просит воды
Или хотя бы льда.
(Лёд здесь – по вёдрам с виски.)
Лет через много найдут
Залежи чудо-руд,
Плюнут на воду и
Поприлетают быстро.

Ну ты-то увидишь вряд,
Потому что металлы горят,
Структуры тонкие тож,
Грубые – чуть подольше.
Отбой, хватит лакать

Пенки из молока,
Время оставить тлен
NASAвской плоти/мощи.

И только – глядеть закат,
Слушать Хьюстона мат,
Передавать одну,
Пе-ре-да-вать од-ну,
Всё ту же одну картинку.
Все ту же одну картинку.
все ту же одну картинку:

все ту же одну картинку

моря пустынный вид
яхта, на яхте вы
с богом и элвисом и
гагариным юрой в обнимку

«Когда пьёшь и спишь...»

Когда пьёшь и спишь про зелёные снега...

Когда говоришь про последние брега...

В провалах деревьев скитается взгляд. Лишь

Когда утомленные легкие г(л)адишь

Затяжкой, сужается поле на камне.

Он канет, по логике каменной, канем

И мы в это нечто за гранью балкона.

Привет, моя Хэри! Солярис бездонен,

И шепчет и шепчет, вселенную выев,

Каких не бывает, такие кривые,

Каких не бывает, такие осколки

Галактик с последней, затерянной полки

Меж болью, любовью и Альфой Омеги.

Мы канем, чтоб выплавить ся в обереги

Для новой вселенной на вечные веки –

В деревьев провалы – зелёные снега.

«Мир – лежащий меж строк...»

Мир – лежащий меж строк полуистины парк.

Где-то около ловит форель папа Хэм.

Как и ныне ещё, не дочитан Ремарк,

И киоск по пути – зарешёчен и нем.

Синий сумрак веранды детсада внутри.

Синий ветер в заброшенном городе Че.

Потерявший Париж, Нотр-Дам де Пари –

Засыпает всем многоязычьем свечей.

Засыпают совдемоны, самоконтроль,

Засыпают трамваи в холодных депо.

Ночь светла – достаёт из-за пазухи роль,

По которой всё по... и реально всё по...

Собираю один полувнятный сюжет,

А киоск по пути – зарешёчен и нем.

Где-то возле заснеженных спин гаражей

Догоняется водкой палёною Хэм.

Где-то возле – помянутых до – гаражей

Копошится над битой «копейкой» Ремарк.

Ночь светла, и божественна мысль неглиже,

Ночь светла запалённым костром Жанны Д'Арк.

Ночь светла, в круге равных мерцает ноль пять.

Убывает ноль пять, как осколок луны.

Элизейская пустынь. Походная кладь –

Чуть на дне, унесёт из горчащей страны.

Собираю в один полувнятный сюжет,

Как всё было задумано явно не мной.

Мир – непаханным полем, а я – по меже,

Многоязычный, иду стороной.

Ни огня и ни хаты чернеющей – вдоль,

Ни разметки, ни знаков дорожных на ней.

Ни отсель не пройти, не сказать ниотколь,

Что мерещится, тускло мерцает на дне.

Остаётся глядеться в межзвёздную гать,

В многоязычье не сомкнутых клемм...

Здесь бы штилем высоким высоко солгать...

Но киоск по пути – зарешёчен и нем.

Камни

Камни имеют форму объединяться.
Камни имеют твёрдость объединяться.
Камни имеют волю объединяться.
Камни имеют храмы объединяться,
Тюрьмы, бордели, больницы, апостола в святцах,
В нишах с ключами, в сети вплетавшего наверняка
Грузилом – несортовые из братии.

Лучшие – становились белою кожей.
Лучшие выбирали лучшие в боги.
Лучшие окропляли жертвенной кровью.
Лучшие выстилали лучшим дороги.
Лучшие путали с лучшими из человеков
Братья, которыми утяжеляли сети,
Кости дробили.
Камни рождались и жили и жили и жили
И умирали в храмах, тюрьмах, борделях, больницах,
В нишах с ключами, с белою кожей,
С жертвенной кровью, глядя глазами бога, который
Камень.

«Над собором сегодня не то что восход...»

Елене Штефан

над собором сегодня не то что восход, а словно крошево,
начертание битвы нещадной лебедя с коршуном.

чёрный коршун, очерченный жирным, лебедь белый, едва
уловимый в крошеве.

Уважаемые члены суда, великий инквизитор, сторож, диа-
коны, ты, дорогая моя хорошая,

мы тогда обогнули группу деревьев, фонтан, и я понял со-
вершенно внезапно, —

я, такой-то такой-то, уроженец, дед был хлеборобом или
ремесленником (вряд ли ростовщиком или владельцем зам-
ка), —

до меня, для меня — внезапно, —

я, такой-то, сын такого-то, понял, теперь, в присутствии и
т.д. и т.п., в чёрных, бордовых и серых одеждах,

паука в пыльном углу, пыли тысячелетней на серых (ты-
сячелетних) веждах,

и твоём присутствии, милая, прямо, открыто, недвусмыс-
ленно признаю свои заблуждения (ведь вы правда ждали?).

я, такой-то такой-то, каких и до сих видали, —

я должен отказаться от всех своих заблуждений, понимаешь, моя хорошая?

центр Вселенной совсем не в тебе, дорогая моя хорошая, центр Вселенной – чёрен от крови, он в Риме, Иерусалиме.

передай другим, передай третьим с другими:

центр вселенной рассчитан до положения звёзд на небе, никогда я причастен к нему не буду и не был, особенно после этого не буду и не был.

я ведь понял тогда, обогнув фонтан и группу деревьев и увидев лебедя с коршуном:

исход предрешен, лебедь исходит кровью и перьями, понимаешь, моя хорошая, –

алая кровь, белые-белые перья, моя хорошая,

понимаешь, когда вот так вот смотришь на это,

когда отрекаешься от того, чем пронизано всё, объято (не то что задето),

а вокруг пыль, паутина, скучающие одежды,

и смыкаются вежды,

смело можно говорить, а ведь она вертится, потому как теперь уже всем до лампочки, можно всем говорить, что центр здесь, в зареберье

(белые-белые перья),

и ты будешь грустить, милая моя дорогая хорошая,

потому как думаешь, не сказал, а над собором крошево – лебедя с коршуном крошево.

«Ветер не виден явно в чреве листвы...»

Ветер не виден явно в чреве листвы,
Как не видна в котёнке ушедшая в подпол мать.
Я меняю «листвы» жухлость – на жухлость «травы».
Всё равно мне – как понимать.

Спит бабье лето в окне, но на улицу – ни ногой.
Это водобоязнь без «водо-», но только один-в-один.
Если на улицу выйдет кто – это будет другой,
И будут объяты белым его следы.

Это водобоязнь без «водо-», но только один-в-один.
Вместо тёмных углов – сигареты, книги, кровать.
Как говорилось однажды (свыше?) – давай выходи.
Как отвечалось, – мне бы всё это заспать.

Как говорилось однажды свыше, – последнюю осень на,
Молчи в тряпочку, не пиши. Будущая зима
В стихах ломаным слогом совсем не видна,
Как не видна в котёнке ушедшая в подпол мать.

Белочка

С ветки на ветку, по ссылкам – от блога к блогу,
Белочка молится доброму, непреходящему богу.
Психи склоняют к бунту, власти, народу, бреду.
Белочка уезжает (отсюда) в окно и в среду.
Белочка догрызает орешки, а лом значит.
Слуги её стерегут, только всё это мало значит.
Белочка превратится в летягу, а может, птицу,
Больше не возвратится, и как уж тут возвратиться?
Главное, что сказать на досмотре и не спалиться.
Главное – грызть орешки, молчком молиться.
А за окном – асфальт и чудесная Заграница...

Белочка – с ветки на ветку, от блога к блогу.
Завтра – среда, пища с маслом, свидание с Богом.

Р & Дж

На балконе тем пасмурным днём пустовала Джульетта.
Под балконом, привычно уже, пустовал и Ромео.
Выпит яд, как последняя строчка сонета.
Пьеса выпита вся, и финальная фраза в Верону продета.
Нет Джульетты, и нету бедняги Ромео.

Но луна взобралась по кулисе на самое небо.
И расправила ткань, и в древесные стены вдохнула
Из Вероны кирпич, и живую листвою согнула
Сад, где каждое дерево – дань кисти и трафарету.
И расчистила небо, и звёзды сгустила на небе.
И проснулась в гримёрке, и вышла к Ромео Джульетта.

И пришёл полусонный Ромео с последнего ряда.
И Джульетта смеялась, и звёзды на небе смеялись.
И сказал режиссёр полусонный: «Порядок. Порядок».
И гадали влюблённые, как они небо проспали
И немного – друг друга, в Вероне (пустующем зале).

И глядели они друг на друга сто лет и полночи.
И Шекспир вместе с ними/на них – те сто лет и полночи.
И глядела Верона (полночи пустующий зал)...

[Здесь должны были б быть ровно сто и одно многоточие]

...И скелет режиссёра влюблённым совсем не мешал.

Хайку

* *

Ворон ворчит.
Плотник вбивает последний гвоздь.
Курит в карете врач.

* *

В жёлтом пятне фонаря
Вкус вишни на твоих губах
Love is...

* *

У старого дома
Парень ломает забор.
Время сирени.

* *

Скоро осень.
В кармане вино и
Чистая трудовая книжка.

* *

Тень Родена
На лестничной клетке

Сосед вернулся домой

* *

Ты улыбаешься

Утром особенно

Ходим по битой посуде

«**Меня помяни...**»

Меня помяни.

За фасеточной сферой игра с

Не вынести и не болит.

Меня помяни.

Из всех (не)возможных трасс

Создатель меня удалит.

Меня помяни.

Оставит, быть может, фрагменты фраз,

Фрагменты бумажных плит.

Меня помяни.

Продрогшие ветры горами несут

Метил, соловеев камыш.

Меня помяни.

Последние держат листву на весу,

И солнце всё ниже и ниж...

Меня помяни, –

Ни крылья, ни хватка уже не спасут,

Ни люди, ни боги, ни лишь.

Меня помяни,

Я запутался в здешних/нездешних местах,

И кажется, вижу уклон.

Меня помяни, —
Промозглые, серые здесь небеса,
Фальшивый хрустящий огонь.
Меня помяни,
Когда над водою порхнёт стрекоза
И сядет в твою ладонь.

«Сен-Жермен завещал мне отраву...»

Сен-Жермен завещал мне отраву,
От которой он вечно был молод.
(Мёд, молоко, пиво, имбирь и что-то-там-цетамол).
Сен-Жермен завещал мне бальзам
Путешествия в вечность и холод.
Принимать в жар, лихорадку,
Временно и частично – в счастье
(Пока из кошмара не понял: ты есть).
Рецепт не зашифрован, читай и откроешь.
Читай всё подряд, говорил, и откроешь.
Книги, брошюры, вывески, цифры –
Читай – и откроешь.
Дыши и откроешь.
Пиши и откроешь, пиши и обрящешь
Свой, персональный крест.
Всем персональный крест.

Граф Сен-Жермен посоветовал таксидермиста
Вечно, как он, молодым
(Ну, не вечно, столетий так пять).
Без убийства – сто золотых, с убийством – триста.

Мёд, молоко, пиво, имбирь и что-то-там – триста.

Подмигнул, как Распутин с бутылки, – и в форточку,

вспять

По гриппозному городу Че мутным пятном гулять.

Шпага, ботфорты, перо и бумага, ватник, лопата и рваные

джинсы, –

Мутным пятном гулять.

Куда он сейчас, добрый и вечный

(Мёд, молоко, пиво, имбирь и что-то-там-цетамол),

Добрый и вечный, как в прошлое крен,

Граф Сен-Жермен?...

«В центре вселенной...»

В центре Вселенной – лощёная лужа (смолистые грязи горбят).

Здесь по окраинам – Горького движется, замерла зелень Крылова.

Заводь, насквозь романтичнее улицы Старой, как мир, Голубят-

Ни обещаний пустых, ни сто тысяч чертей, ни добра, ни худого.

В центре Вселенной – обмылок прошедшей прошедшею ночью грозы.

Ветер, плутающий Киргородком, полотками священных животных.

Кажется, выпорхнет, в трениках вислых, Амур из бордюрной косы,

Снимет научатеизма налёт, и нахлынут мотивы дремоты.

Кажется, выйдет безусый Ильич, что давно уже больше чем миф.

Хитро прищурится, сунет листовку и сгинет в лощёной трясине...

Знаешь, здесь где-то счастливые сны продают, я слышал,

на разлив:

Сосны – что чай закипающий, небо... и небо – изысканно
сине.

Завтра в школу

Мудрый Каа лежит на солнце/камне, греется.

Лягушонок рядом лепит бабу голую.

Завтра ранец за плечами, астры, в школу и

Постигать чего зачем на свете деется.

Мудрый Каа уже в шестом, воробыш стреляный.

Смотрит сверху, говоря; плюётся – цыкает.

Пахнет дымом сигаретным, крепким хмелем и

Называет обезьян-девчонок дырками.

Завтра Каа лежать в траве с башкой проломленной,

Дождаться «скорой помощи», милиции,

Но пока что Лягушонку будет богом он,

Полубогом (или кто нектаром писает).

Завтра в школу, завтра в школу, маме раму мыть,

Папе – братья за ремень, и хлопать – мысленно.

Лягушонок «Руки вверх» поёт (из раннего).

Бытие – необходимо, вечно, истинно.

Мечта

Прошка любил шторма, клады и прочий флёр.
Прошку призвали в стройбат: рыть и кидать и рыть.
Прошка достал доху, кивер, АК, топор,
Карту, где под крестом золота пуд сокрыт.

Прошка набрал экипаж, двинулся на «Восток».
Пил, по пути нарыл новых с полсотни рыл.
Прошка не мог сдержать жажду и свой восторг.
В дымном «Востоке» ОМОН кодлу всю и накрыл.

Мигом нашли доху, кивер, АК, топор.
Долго искали, где мог укрываться сам.
Кровь привела к Шершням...
С тех самых мутных пор
Ходят слухи по Че: видят то там, то сям,
Как бороздит Шершни, Смолино, небеса –
Прошкин летучий фрегат, чёрные паруса.

«Там, где автостоянки...»

Там, где автостоянки вырастают гравием в зелень,
Учит один другого ходить.

Плещется, льётся из глаз змиеглавое зелье.

Вижу! кричит. Веди!

Вижу, кричит, цель, а препятствий, кричит, ни хрена не вижу.

Вон оно, Красное-Белое, вон!

Ангел-хранитель встаёт, подходит поближе,

Бьет по печени (стон).

Баиньки, говорит ангел-хранитель примирительно (свои, говорит, то есть свой),

Берёт мобильный, вызывает полицию.

Другой –

Баиньки, говорит эхом другому пьяному ангел другой.

Потом договариваются с нарядом, чтобы домой, и снится

–

Едут домой.

И старший из равных двоих, крылом укрываясь в слепящий огонь,

Шепчет слова тихи:

Я всё боялся, увидит он в лужах моря,

И спущенные облаков якоря,

И солнца остров с радугою, дугой

Бьющую из асфальта всему вопреки,
Не выдержит сердце, мозг, понимаешь? (кивок).
Не выдержит, понимаешь? (кивок).
А больше всего боялся – напишет стихи.

Путеобходчик

Рано собрался, чаю хлебнул путеобходчик,
Скрипнул дверьми, псу наказал, обожди, не брехай, мол.
Тихо-то, слышь, как – ведь ни единого звука,
Разве что куры да где-то бубнит телевизор.
Рано ли? В небе не то что уж розовоперстая Эос,
Травы скукожены, словно прошлася фаланга ахейцев,
И под хрущёвки забились короткие тени (дневные)...
Только вот заперто всё, что могло запираяться, и нету
Ни Акулины в ларьке станционном, ни ейной собаки.
Ни дяди Феди с мешком из-под сахара (где алюминий),
Ни на скамейке кого у пяти-или-сколько-этажек.
Умерли разве? А с кем же теперь поделиться? –
Ведь Одиссей десять серий не может до дому добраться,
А Галатея ушла к продувному запойному Пану,
Подорожает, сказали ещё, Прометеева печень,
Будет в стекле и какого другого посла...

В левой руке стариковской фонарь пламенеет,
Ходит с огнём Диоген, ищет в окнах своё отраженье.
(Где-то же слышал, ведь слышал, что где-то бубнил теле-
визор.)

Сказка

Каждый день старик выходит и забрасывает невод.
Каждый день ему приносит злую бабку и корыто.
Старику бы опохмела, минералки с аспирином,
Но приносит и приносит море вредную старуху.
Рыбка, рыбка, где ты, рыбка? Пусть не вся, но позолотой.
Проучи того поэта, что придумал горе-сказку, –
Горе-сказку, что старуху и старуху всё приносит.
Нет чтоб с тиною морскою, обязательно с корытом.
Отвечает золотая: ты давно уж, старче, умер,
А наказан оттого что был на службе у старухи.
Ты б и бедную собачку утопил бы, если б должно.
Заложил отца родного – бы, коль партия сказала б.
Или сделал бы сэпку, кабы взяли б в самураи.
Вот тебя и привязали, шас подействует укольчик.
Будет сниться не старуха, а, к примеру, Шерон Стоун,
На худой конец, Орлова или Машка с параллели.
Засыпай скорей, Андрюша, не один ты здесь, в палате.

Путник

Расцветают стигматы в пути на Восток
Откровенно, как алые маки.
И ложатся на шлях: лепесток, лепесток,
Лепесток... Мироточат овраги

Снами мутными, что отпылали, прошли,
И гало в небесах – отрешённо.
И дорога, как кто-то сказал, не пылит,
Отдохнешь, говорил... Полно, полно...

Бредят степи великие зноем. Господь
Здесь отсутствует самую малость:
Чай прогорклый, доеденный хлеба ломоть...
Отдохнёшь...
Ждать недолго осталось.

Чайное

Чай закипает черёмухой, спившимся воздухом.
Тюкнул спросонья явление ангела обухом
В тёмном, как склад неудобных даров, помещении.
(По малодушию как-то просил о прощении.)
Видишь ли? Небо накрылось и ангелы сброженны,
Кот закипает восторгом, в неверии брошенный,
Пёс вычисляет по книге дворняжьей знаменья,
Дед вычленяет из ангельских крыл оперение, –
Тюкнул и ладно, не время жалеть и печалиться,
Даже когда свет в кладовке уже не включается,
Даже когда пара глаз с-под-за печки горячие, –
Просто иди на крыльцо с папиросой заначенной.
Тюкнул и ладно, весна раскипается в чайнике,
Ходят случайные, ходят по миру случайные
Псевдопророки, святые безумные странники,
Чайные кущи кипят, раскипаются чайные...

Накись черёмухи. Ангел до крыл запорошенный.
Как говорится, не трожь, аккуратно положи его.
В мире неясное миру дурмана брожение...

Бабка до дому придёт – разьяснит положение.

«Хочешь вишни?..»

Хочешь вишни?

Да.

Ты – да, я – да. Хочешь вишни?

Улыбается.

От дома к сараю пробегает крыса.

Старые дачи, окраина города,

Проведены газ, вода, электричество.

Застройка/свалка городская подбирается медленно,
неумолимо,

Если не считать шума оранжево-грязных машин, тихо.

Хочешь вишни? – лукаво подмигивает дедок.

Хочу.

Ты хочешь, я хочу, сестрёнка твоя тоже, небось, хочет.

Сладкой, в Москву, в Петербург возили.

Тогда поездов не было, возы были, лошади, возчики,
управляющий в бричке.

Хочешь вишни? Хочешь?

Медленно наползает цивилизация:

Сетевые магазины, кафе, запах свежеспечённого хлеба
из дверей,

плазменные панели над парикмахерскими, спутниковые тарелки на крышах.

Дедок (каждый раз другое лицо) – в новой рубашке.

Бейджик на груди неразборчив, не прочитать.

Хочешь суши? – временами оговаривается он.

Глядит молодыми глазами.

С каждым днём этот морок плотней и плотней,

Без усилий сквозь него не пройти.

Уехали господа, – говорит дедок, – а я остался.

Хочешь суши? то есть вишни? – шепчет дедок, то есть зеркало.

«Путь мимо дороги чуть подёрнут луной...»

– с благодарностью Елене

Путь мимо дороги чуть подёрнут луной.

По правую руку озеро смех и говор.

Улыбка не должна быть счастливой.

По правую руку смех и плеск в белом чёрном белом чёрном белом.

Главное – осанка взгляд главное взглядом убить и ожить.

И ещё молодость, говорит Теодор.

Ты скоро будешь дома? говорит Теодор.

Мы с отцом волнуемся, говорит Теодор и вешает трубку.

Теодор изобретателен

он придумывает чудо-машины

в которых людей дробят до последней целой косточки

люди не могут думать ни о чём

кроме как уйти от пытки любой ценой

остановить пытку

продлить пытку

не думать.

У Сони режутся зубки, говорит Теодор.

Ночью обегала все аптеки, говорит Теодор.

Путь мимо дороги смех и плеск луна серебряный мужской
торс

девчонки с распущенными волосами рассыпаются в сто-
роны

смех и плеск в белом чёрном белом чёрном белом.

Сладко видеть слышать осязать уход.

Бешеные глаза

звуки повторяются

ряются

ряются

подземельем

слагаются в песни краски дробные танцы.

Ещё двое передаём за проезд, говорит Теодор с южным
акцентом.

На Котина выходят? говорит Теодор.

Белоснежная улыбка, говорит Теодор.

В белом чёрном белом чёрном белом.

И ещё молодость, говорит Теодор.

И ещё молодость, говорит она.

В мраморную ванну льётся красное чёрное красное.

Пальцы её в красном чёрном красном.

Её тело в красном чёрном красном.

И ещё молодость, говорит Теодор.

Главное осанка взгляд красное чёрное красное

смех в красном чёрном красном.

Она вытирает руки о чьи-то волосы.

Ситуация в экономике стабилизировалась, говорит Теодор.

В следующем году ожидается рост ВВП, говорит Теодор.

Теодор полезен

чрезвычайно полезен

но он явно сошел с ума.

После Сада Победы он получит расчет.

Это она пугает себя –

Теодор чрезвычайно полезен,

Кто ещё проведет её через этот мир к зыбкой луне

зыбкой луне и белому чёрному белому чёрному белому.

Смеху и плеску.

Поправляя школьный рюкзак, она двигается к выходу из маршрутки.

На следующей остановите, говорит за неё Теодор.

Истина

Издревле иссушенное небо
Пило из твоих ладоней рыбок.
Ты существовала до рожденья,
Речи рек и сумерек отрывок.

Ты лгала кошачьими глазами
В храмах и пещерах, в тронных залах.
Ты стирала в кровь усталость мира,
Ты благословляла, проклинала.

Ты – одна во многих отраженьях,
В бликах шлемов и под скрипом перьев, –
Дева с золотыми коготками,
Горло выгрызающая первой,
Вечная и мудрая царица –
Истина, желанная химера.

«Перебивки прежде чётких линий...»

Перебивки прежде чётких линий,
Сканы пешеходов и ветров.
Небо, омелованное львиной
Нежностью, пускает сонно кровь,
И закат мешается с картиной
Лучшего из множества миров.

Тянет влагой. Голоден и весел,
Древний бог танцует на крови.
Где-то там, за богом, то ли веси,
То ли нивы, полные любви.
Где-то в торбе неземные смеси
От ушедших прежде. Не реви.

Не реви. Ушедшие забыли
Как и звать тебя. Ушедшие ушли
За закаты, снеговые пыли
Или что там, на краю, пылит.
Пережили, замерли, остыли, —
Бледный пал под палой сенью плит,

Пал земной под лапой зверя палой,
Потолки небесные не встык...

Древний бог в одеждах обветшалых
Обнял теплотрассу и притих.
Мира нет – в глазах его усталых.
Бога нет – в глазах его пустых.
Только высь и только боль в груди,
Только бледный светоч посреди (не).

«Спящая сторожка...»

Спящая сторожка. Одурманен
Теплотой от тэна спящий пёс.
Спящая луна в своем тумане
Словно в белом венчике из роз.

Отстрелялись, отошли в буране
Огоньки зрачков и папирос.
Кто-то песню, может быть, затянет,
Строгую, печальную – всерьёз.

Катьку вспомнит и чужие сани.
(Катькин путь последний – на погост.)
Пёс заманит, пёс тебя заманит.
Вон он, там стоит, поджавши хвост...

Пёс зевнет.
Кто старое помянет,
Тот тоску получит и цирроз.
Здравствуй, добрый дедушка Мороз.
Здравствуй, – президенту на экране.
Пёс лизнёт ботинок, тихо встанет,
Ткнёт в ладонь прохладный черный нос...

В дымный снег уйдет ДРУГОЙ мечтами,
Словно в белом венчике из роз.

Постновогоднее

В Новый год я почти до курантов смотрел «Кин-дза-дза»,
Пил вино из пакета, закуривал чем-то дешёвым.
Если верить приметам, я выйду когда-нибудь за.
Если верить приметам, вернусь незаметно, бесшовно.
Будет так же мороз обнимать, отнимать, полонить,
Будет так же ПЖ на экране, в заначке какие-то чатлы,
И пустыня себя через зиму уральскую снить,
И простого пацака-артиста немые патлы.
Гой ты, матушка Русь! велика и просторна, как Плюк!
Эцилоппы твои несгибаемы и величавы.
Пусть на всех из чатлан не хватает малиновых брюк,
Но зато искони ты священная наша держава!
Ты любимая наша страна! Вот куранты пробьют,
Я допью из пакета и выйду в межзвездную пустынь –
Целоваться с берёзками там, вне тебя, где-нибудь...
Это было бы правдой, каб не было пьяно и грустно.

Ночь перед Рождеством

Сфера замыкается, крещёный мир – в дрова.
Потолок начерченный, кругом – полынь-трава,
Буйная метелица, пропавший санный след.
Богу в этой небыли нести Рожденьем Свет.
А пока ни Бога, ни намёка даже нет.
Потолок начерченный, кругом – полынь-трава.
Черной геометрией – тыны и деревá,
Не трещит огонь в печи, не точит корки мышь.
Сфера замыкается, бредёшь куда глядишь,
Мимо снов крошечных, где оградки да кресты,
Мимо окон чёрных и – по-чёрному пустых,
Мимо пьяных вётел на размытом чертеже,
Мимо лунной тени на каком-то этаже
Недоскрёбов ветхих – чёрту лютому в рукав...

Зацветёт звезда в разрыве чёрном потолка,
А пока несет по миру злая полова,
Тяжелеют веки, без краёв – полынь-трава...

Тяжелеют веки, без краёв – полынь-трава,
Сфера замыкает, пропадает голова.

Чертополох

Бусины мутные в травы слепые роняющий Бог.
Спящих апостолов взгляды – в глубины озёрные.
Алый, как воды Стикса земного, чертополох.
Слитое кем-то из ближних нечеловечески горнее,
Алый, как воды Стикса земного, чертополох.

Не перейти, не умыться, забыться и ждать до конца
Всем из приёмных больниц, при Едином во здравии.
Всем, потерявшим в безумии чувство лица –
Бусины мутные, чертополох в разнотравии,
Чувство утраты не Духа – родного Отца.

Алый, как воды Стикса земного, чертополох.
Память течёт, заливают разломы и трещины,
Там, где Он шёл безнадёжно, по-*на* гору, Бог,
Там, где слова пропадали в заплечную вечность и
Алый, как воды Стикса земного, чертополох, –
Алый, как воды Стикса земного, чертополох.

(Саргассово(?))

Капитан пожимает руку так, будто хочет её оторвать,
Через слово поминает Бога и Его Пречистую Мать.
Ветер уносит корабль в Саргассово умирать.
Юнга играет на флейте. Капитан озирает гладь
Неба. (Играй, юнга, пристрелю, если кончишь играть.)

Всё ж это миф? – корабли уходили за горизонт,
Юридически – уносили родину, открывали фронт,
Бились с водорослями, голодом и цингой,
Примерно как в лучшие дни мы с той, (не)святой.

Пропадали в маршрутках, троллейбусах белые паруса,
Непонятно, глазам ли верить, истерическим ли голосам.
Непонятно, связки порваны или просто воздуха нет,
Там, где пространство и время – тьмою жадно покрытый
свет.

Играй, юнга, играй, пророчь неземную ту,
Вышедшую из пены, сожравшую вахтенного на посту.
Берега нет, играй, юнга, плевать, что устал, играй.
Видишь, юнга, чайки? Это мираж. Понимаешь ли, это рай.

«Ночевала тучка золотая...»

Ночевала тучка золотая
На груди утёса – великана.
Никого-то не предупредила.
Мать звонила – трубку не брала.

Бабушка последними словами
Обзывала шушеру ночную
И тихонько плакала в платочек.
Дед грозился небо прошерстить.

Только где-то к *утру* заявила –
Чуть помята, тучка золотая,
С медными, счастливыми глазами.
Заявила, что уже не тучка,
И пошла до спальни – досыпать.

Эх ты, тучка, тучка золотая...
Что теперь на это скажет стая?
В джунглях смрад, на каждом грязном теле
Ночевала золотая тучка.

И... не точка – только запятая.
Бабушка – к соседке, причитая.

Мать – на вахту. Дед – к себе, в запой.

Ну а там, где дышит грудь утёса,
Там, где вечно плещется прибой,
Тихо в небе детство/лифчик тает...

Бабушка – к соседке, причитая.

Тихо тает, тает, тает, тает...

Мать – на вахту. Дед – к себе, в запой.

Изумрудный город

В Изумрудном городе на Зелёной улице
В стеклотару девочка, ящерка ли жмурится,
И Тото нечёсанный у плетня сутулится,
Потому что горькую,
Потому что в дым.

И несёт нагретою, с жилками, дремотою
В изумрудном городе; только за воротами
Холодок и слякотно, и не так измотанно,
Малахитных ящерок не горят следы.

На воздушном шаре ли, на нездешнем бесе ли,
Унесло волшебника или же повесили –
Все забыть успели – а оттого что весело
И вода из погреба мутная крепка.

Красно- ли армейцы ли, красно- белочехи ли,
Казачи ли празднуют ратные успехи, и,
В общем, сколько было, все разом понаехали,
И дорога дальняя в зелен дым легка.

Элли, чудо девочка! выбирайся ноченькой.
У вокзала – пьяненький, добрый и не конченный.

Он поставит в паспорте или где: «Уплочено».
И благословит, и спи до Канзаса путь.

А досужим сказочкам ты не верь, родимая,
Будто щас над Рашею ночь непроглядимая,
Как в твоём фургончике...

Звёздочка, гори, моя!
Выберется девочка – свалим как-нибудь.

«Скол грязно-белый...»

Скол грязно-белый, и яблоней пенится.
Где-то за сколом – небесная звонница.
В яблоню смотрится мира ровесница,
Просит бесстыже всегдашняя скромница.

Дайштыбы внуки росли аки прадеды,
В вере, которой ей так не хватало, и
Бога и правды и Сталина ради бы,
Ради Отечества, хлеба лежалого.

Дайштыб здоровы, незлобивы были бы.
Дайштыб собачки у окон не серили.
Язвы – запойной соседке-кобыле бы...

Просит, как та, в сто двенадцатой серии, –

Не за себя, а за лбы бестолковые.
Просит Николу, герань и бессонницу.
Просит у церкви на гробик целковые.
Просит бесстыже всегдашняя скромница.

Гретхен

Гретхен, ты зачем ходила ночью под окном?
Господи, я слушала, как пели соловьи.

Гретхен, ты ведь толком и не ведаешь, кто он.
Гретхен, у приятеля его язык змеи.

Гретхен, ты погубишь мать, младенца и себя.
Гретхен, ты узнаешь, как оно – сходиться с ума.

Господи, ты знаешь, что такое жить любя,
Верить, ждать, прощать. Оставь, я выплыву сама.

.....

Господи, скажи, что это правда, а не сон.
О таком лишь с ним, с Тобою разве говорят.

Гретхен, он за сердце принимает чёртов гон.
Гретхен, пять страниц спустя всё превратится в ад.

.....

/Герр писатель, вы не Бог, и авторство – подряд.

Герр поэт, весь ход событий предопределен,
Текст одобрен. Больше – в списке вечных текстов он.
Не терзайте девушку, не мучайте зазря./

.....

Господи, не ведала, не ведала, творя!
Господи, за что ТАКОЙ – последняя заря?!

...Ход событий вечен, Гретхен, как кошмарный сон.
Ход событий вечен... вечен... предопределен.

«Стеклом по копоти стрекоз...»

Стеклом по копоти стрекоз
На полувнятном водоеме.
Камыш, полуденный наркоз,
Не стираны, бинты берёз,
И сосны, полны мутных слёз.
Налипший фильтр монохрома
Налип надолго и всерьёз.

И монохромная волна
Отхлынет и вернётся светом...
А ты одна, и тень одна.
Обида, не твоя вина –
Пройдут чистилище вина,
Исчезнут в терпком безответно,
Отхлынут и вернуться светом...
Но ты уже глядишь, бледна,
Слепой русалкою, со дна,
Заворожённая сюжетом
Сложившегося пазла сна...

Птица

«Дышат крылья кошки на последнем этаже...»

Дышат крылья кошки на последнем этаже
Ангельской изнанкой.
В небо тушь потёкшая впечатана верже.
Полова экранно
Взглядов человеческих, божьих и бесовских – не
Сыплет, не искрится.
Явны только тошнота и тяжесть в животе.
Может, лучше – спи[ца/ться/тсья].
Может, лучше было исписаться на листе
И ползти в больницу...

Кошка раскидала крылья в солнца черноте.
{И упала птицей}

«Тайнопись солнца читается через листву...»

Тайнопись солнца читается через листву.
Блики приходят, уходят, листая страницы.
Что тебе, милая, ночью полдневною снится?
Крейсер «Аврора»? Цветы у забора больницы?
Или как кони уносят в забвенье Москву?
Что тебе снится, утопленный в мареве мозг?
Что, повторяю, тебе, беспокойная, снится?

Тихий и мирный, с решеткой по кругу киоск
И покупавшая водку
Земли этой глупая ось.
Та, что записана солнцем неверным – в психоз.
Та, что порхнула
С седьмого
Бескрылою птицей.

Колобок

Перед спектаклем приходит, в дымину, Лиса:
Рыжие патлы, полинявший от стирок костюм.
Чёрная полоса у неё, чёрные паруса
И под завязку набитый обидами трюм.

Будешь? – она Колобку с хрипотцой, за которой тоска, –
Будешь? – И горлом его идет благотворная дрянь.
Дети, – говорит Колобок, занюхав, и ясно как
Любит он всех детей, лгун, любодей и пьянь.

А у Лисы, видимо, планы на Колобка.
Не навсегда, конечно, только на этот день.
Дети, – говорит Лиса отражению Колобка,
Передавая залёгший давно за грудиной тлен.

Грубые ласки, туман сигаретный, палёный вискарь,
Лампа упала, игра в пятна Роршаха стен...
Лишняя тень моралиста, хмельная слегка, –
Сторож стоптанный,
Автор ли, –
Скорбно уходит в тень.

Приготовление яда

Спой прекраснейшую из песен родного племени:
О богах, что тебя ещё держат в этом краю,
Всё о них – полустёртых на свитке памяти/времени:
Об ушедших охотниках, воинах, павших в бою,
Дочерях, принявших в лоно лучшего семени.
Спой последнюю, спой лучшую песню свою.

Кожа высохла, и глаза твои – серые впадины.
Молодые не видят, младенцы не требуют грудь.
Вместо сердца – саднящая нудно на нёбе царапина.
Всё украдено, разве что думы ещё не украдены
И язык – чтобы раньше времени не уснуть.

Веки жжёт, по морщинам алое слезотечение.
Ты поёшь свою песню уже через раз (то есть вдох).
Ядом плещется между деревьями солнце вечернее.
Ядом стелется всепоглощающее непростение.
Яд готов, ты сползаешь по воздуху в дрёму ничейную,
Где тебя поджидает последний/прекраснейший бог.

Рождество

Вызревает имя в чёрных устах шамана.
В выси плещется маревом вертолёт
На всякий случай. На всякий. Небо дерёт
Тайга, словно сошедшая в мир с экрана,

Где три областных правителя в дикой тряске
Матерят уазик, но едут на свет звезды.
Пустыня – это безлюдье (в восьми ли часах езды
Или поменьше – лёта). Небо срывает маски.

Охотники – как пастухи, не моргнут привирая:
Медведь говорил, готовьтесь, приходит Царь.
После водки ночь всё равно что хмарь
Между палаткой – здесь, и там – обещаьем ряя.

Сосны шумят, качаются, славословят,
Крылья раскинув в стороны, белый свет
Уазика вырывает сотни примет
Того, что это ангелы петь готовы.

А где-то Хозяин золота гложет полог
Чёрного неба, чёрной во тьме руды.
Шаман прячет младенца в ясли. Шаман бороздит

Пером тетрадные клетки: родился геолог.

Пилот вертолёта курит возле звезды.

Аз буки ве́ди

темно это какая часть речи

запрос в поисковике

Аз буки ве́ди, – шепчет под нос водитель маршрутки.

Гладит бороду, переключает скорость, –

Эх, болезные, с ветерком доедем!

Кто говорил, что стар ямщик? Бросьте камень в брехло.

Грамоте не обучен, но всё понимаю,

Чувствую эту кобылу железную лучше любого из вас. –

Гладит бороду, хлёстко включает радио.

Мелодия делает плоть прозрачной стекла.

Снег, снег, снег, снег –

Всё его существо.

Ежли к весне не успеем, реки-то разольются, к чертям все
дороги, робяты, –

Кричит прозрачное эхо, и холод берёт,

Оттого что погасший город лапами сосен скребёт по ок-
нам,

Просится внутрь маршрутки.

Кони хрипят, колокольцы тоскливо и тускло болтают.

Старый барин ушёл, нового нет пока.

Хлеба нет, перебиваемся чем ни попадя, нечистый снаб-
жает, –

Жалуется ямщик.

Снег, снег, снег, снег –

Залепляет глаза и уши.

Девушка вскакивает в сани. В белой соли ресницы.

До Петербурга доедем? – спрашивает.

Знамо, барышня, – хрипит ямщик. –

Сначала болезного в дурку, близ престола господня,

Только потом уж, но потом уж – наверняка!

Тыща верст не крюк! – кричит за спиною вальс.

Знамо, барин! – ему отвечает эхо.

Снег, снег, снег, снег...

Что тебе милая снится?

А болезный того, не преставился бы... – шепчет кто-то над ухом.

Господь исправит, – отвечает шинель и поправляет ворот. – А что, скорая не принимала?

Тыща верст не крюк, – шепчет водитель маршрутки. – Аз буки веди. Глаголь добро есть. Дитям исть нечего, позвольте шубку с этого,

всё равно преставится. Не сегодня так завтра.

Отведите его в кухню, – шепчет шинель. – Накормите.

Снег, снег, снег, снег...

Слезай с ведра, я ссать хочу. Бррр, холодрыга.

Нас тут за животных держат. Выживем – не выживем.

До тебя не догадался. Есть ещё курить?

Тыща верст не крюк!

Заткнись, – и короткий, худой человечек на койке заку-
ривает

какую-то гадость. – Глаголь добро есть.

Вальс летит над ночной дорогой,

Бьётся в стёкла, ломает решётки...

Шубку бы, шубку позвольте, ваше-ство, не сегодня так
завтра...

В первом году

Метёт, как мело (дайбог памяти) в первом году,
И, помнится, пили мы в ночь с четверга на средú,
В каком-то простуженном ветром гробу ли, саду.

И помнится, шли мимо белых, раскрытых дверей
Фигуры безвестных псарей, егерей ли, царей,
Которых не знала та местность черней и мудрей.

Мы пили во гробе, в пургой занесённом саду.
И, помнится, видели в небе, в метели, – звезду.
И, помнится, кто-то пролил полчутка в бороду.

И кто-то кричал, что родился младенец, и вот
В раскрытые двери царей ли, псарей ли несёт,
Что это не к нам, просто главный проспал поворот.

А выюга ломала билборды, слюду фонарей,
Металась от неба к заснеженным петлям дверей
И в небо обратно, с собой унося егерей.

А выюга ломалась, и правили выюга и крен,
И слышалось пение ангелов, вой ли сирен,
И что-то являлось причиной, а может – взамен.

Сейчас понимаю, являлось причиной, взамен.
Пишите, – я всё на духу, это точно, взамен...

А что там в яслях? Не видал, господин полисмен.

Танец фей

Праздник чёрных фей и белых в рваном.
Праздник обесточенного солнца.
Рассыпает ложью по карманам,
По ресницам слюдяные солнца.

Ложью, что останется навеки,
Сбудется, судьбою наречётся.
Размывает дымкой человеки
(Сбудется, судьбою наречётся).

В белый прах – районы и кварталы,
Не видны жилые и массивы.
В танце фей не обмануть – немало,
И за ложь все неземные силы.
Зная же, смигнешь – и всё пропало,
Только лишь смигнешь – и всё пропало,
Только-то смигнешь – и всё пропало...
Ложь принять – значительно красивей.

«Войти в колосья снега, затеряться...»

Войти в колосья снега, затеряться,
Просрать мобильник, выйти у детсада
(Незнамо где), под номером тринадцать,
У воспитательши с замашками де Сада
Спросить дорогу, набрести на камень,
С окрошкой фар, где матерится гномик,
Глотать портвейн безмерными глотками,
Попасть в травмпункт, где никого кроме.
Пойти до дома, затеряться снова.
Закуривая тщетно возле лавки,
Вдруг захотеть сквозь рваный снег иного, –
То ль чистого, божественного слова,
То ль дворником на две с осьмушкой ставки:
Услышать, как скребут колодцы черти,
Вороны философствуют о смерти,
Как ласково напоминают девы:
«Вы в демо-версии, пакет чудес исчерпан.
Купите премиум за \$9.49»,
А ты в оффлайне сорок две недели,
Тебе всё по... – меж реплик нонпарелью,
Тебе всё по... всё по... – на самом деле.

Халиф

Кот читает сказки старому халифу.
Блѣклые палаты бедного дворца
Полны птиц – цветными снами по олифе,
Полны буйным садом скорого конца.

А рабы носилки тащат в город духов
Сквозь дождей разрывы, рыхлый небосвод.
Приложи к лежанке – и поймает ухо
Шум мотора «скорой», пошлый анекдот,

Газ не перекрытый, говорят, когда-то,
Джинна недосказки болью под виском.

.....

Старого халифа новые палаты
Намертво обшиты струганой доской.

Конец Света

Ветер качается, истово молится.
Небо в колючее крошево мелется.
Ангелы воют в трубу.
Рушатся сферы, светила теряются.
Скоро уже магазины закроются.
Дворник курганы творит.

Машка вчера не вернулась из отпуска –
Вышла за Деймоса или же Фобоса.
В общем, зараза, ушла.
Годы уже сороковник настукали.
Премия в августе-месяце плакала.
Это начало Конца.

Звёзды пыльные, блудницы выпимши,
Тёмные личности – бродят по капищу.
Дворник курганы творит:
Вот перетерпит последнее пугало,
Вот похоронит последнего ангела, –
И перекур.
Навсегда.

«Спит голубиная почта на подступах к Че...»

Спит голубиная почта на подступах к Че,
Серая и не смываемая ничем,
Вал из графита на снежном (пока что) плече.

Где-то затеряна в городе девочка Ле,
С еле заметной мозолькой на правом крыле
И телефонным балансом на вечном нуле.

Спит голубиная почта, висят небеса.
Травит сосед на площадке бойцовского пса.
Нет никаких парусов, впрочем... есть паруса.

Письма оттают, дойдут электронным дождём:
Голуби цвета графитного знают твой дом.
Но не читай, говорю, не читай перед сном.

Но не читай – половина пустые, со зла.
Пледом сложи над собою два белых крыла,
Спи, беспокойная Ле, кем бы ты ни была.

Остров молчания

Остров молчания моего пытается вплавь.
Остров молчания моего пытается вглубь.
Остров – с материка охмелевших губ
В волосы-медоносы, как будто въявь
Можно доверить Бога Его врагу.

Остров молчания моего выбирает здесь.
Остров молчания моего дыханием в такт.
Дышат киты, дышит Земля, на китах.
Дышат дожди шипом огня по воде.
Ворона переучивают повторять «нигде»,
Потому что нигде – тактильней, чем никогда.

Потому что нигде – тактильней, чем никогда,
Остров молчания скроется в твой парфюм.
Остров молчания будет делить строфу
С этим самым тактильней, чем никогда.
Слышишь? – молчание прибывает совсем как вода.
Вдох за выдохом, выдох за вдохом, ещё строфу...

Вдох за выдохом, выдох за вдохом, ещё строфу,
И вот мы с тобою почти эмбрионы в воде,
С точностью до секунды координат нигде.

«Двух параллельных кривых отрешённые точки...»

Двух параллельных кривых отрешённые точки.
В конусах точек – густая неверная слякоть.
Почки, – кричат, – прикрывай!
И воистину почки
Вскрылись на вешней сирени что вещице знаки.

Почки на вешней сирени отчаянно вскрылись,
Чёрная кровь тополей растекалась, – всё где-то
В прошлом. И раны стянулись, и раны забились...

Тёплой венозной напомнили, призраком лета.
[Чёрта отметиной, доброй ли будет приметой –
Срезать точённый искуснейшим мастером ирис?..

И не понять, не исчислить тревожность ответа.]

Точки, идущие в даль – не понять, не исчислить,
Рядом идущую в ночь – не понять, не исчислить
[Ту, что лишь кажется здешней, уютно бескрылой]...

Эрос шутя вынимает сапожное шило.

Сердце, – кричат, – прикрывай!

И мешаются смыслы.

Ирисом, в тёплом фонарном, мешаются смыслы.

Всё это было.

Иначе.

Но всё это было.

Керамзит

Бестиарий облачный скользит.
На дорожках сохнет керамзит.
Далека, на вид не глубока, –
Пьёт из неба радугу река.
Пьют соседи, пахнет шашлыком, –
Не жалеют больше ни о ком.
Лишь один (прошедший сквозь века?) –
Словно тень дверного косяка,
И твердит, о чем ты ни спроси:
Авва, Отче, чашу пронеси.
Авва, Отче, чашу пронеси.

Старый тапок весело скользит, –
На дорожках свежий керамзит.
На болезного, наверно, в сотый раз
Участковый косит рыбий глаз.

В переходе

В переходе, там, где Цой живет Ленина и Шнурова,
Сгусток плазмы inferнальный от дуги сварной прикуривал.

Сгусток плазмы приговаривал, на пёсьем ли, на птичьем ли.

Говорил, прошел, как пишется, дорогу в двести тысяч ли.
Говорил, что за Камчаткой край земли и дальше некуда,
И глядят большие буквы «HOLLYWOOD» на свет из некуда.

Копошятся там актеры полуголые, испитые,
Фон зеленый, под ногами декорации забытые.
Фон зеленый заполняют чем прикажут черти с вилами.
Скажут – морем, будет море всей своей морской силою,
С кораблями, с островами, с Перл-Харбором и Флоридами.

Иудеей – быть пророкам с диким медом и акридами.
Скажут – звёздами, – плевочки, как поэт в стихах говаривал.

А за некудом – из грешников-космополитов вареву.
Сгусток плазмы inferнальный (может, кто случайно слушает)

Оглянулся, сторбив спину, диссидент во всяком случае.
Затянулся и пропал, как был, в пижаме, с санитарями,

Правдолюбие засунув и гремя пивною тарою.

Аналоговый снег

Аналоговый снег окутал полстраны,
Облезлым псом в углу орёл самодержавный,
Но кажется ещё, что ни на ком вины,
И кажется, ещё не выбрано заглавье.

Окно в который раз показывает снег,
Аналоговый снег, который упокоит
Лишь тех, к нему слепых, единым кадром всех,
Лежащих на листе столбцом или строкою.

Аналоговый снег в бушлате моряка
Чернеет земляной какой-то чернотой.
И чёрный кабинет. И долгая строка.
И тень Фемиды спит, у дальней стенки стоя.

И кажется, что кровь стекает с потолка.
И кажется – легко доверить мысли вихрю –
В аналоговый снег нырнув, увидеть, как
Ломается пейзаж, переходя на цифру.

Старый дом

Стены, несущие воздух из космоса,
Изгнаны, выпали, вышли из фокуса,
Но – продолжают дышать.
В фокусе – пол, потолок (раскурочены),
Клён, затесавшийся чёрными строчными,
Снега скупая негладь.

В красном углу ни иконы, ни нечисти,
Только намёком на бренность конечную
Сетка, за сеткой – труха.
Ходишь, как лишнее и насекомое,
Вне математики и не искомое,
Слово вставное стиха.

Ходишь, меняешь одежду на старую,
Примус заводишь, тахту и гитару и
Вечный дубовый буфет.
Кот отирается окуня около.
Дед-инженер с литографии – соколом.
Рюмка и свежий багет.

Выйдешь до ветру к кусточку кленовому,
Звёздной пороше и месяцу новому,

Сплюнуть, надеяться, жить...

А за порогом угар, запустение,
Серые снега, бетонные стены и
Делят под клёном бомжи,
С хрипами, тёмную боль сокровенную.
Полупустой полторашкой Вселенная –
Вредная зрению, даром что пенная...

Сплюнуть, надеяться, жить...

Две реки

Говорят, кроме реки, в которую не вошёл,
(говорят) не тревожит ничто так сильно под старость.

...Возле здешней (другой?) реки – до мертвенности хорошо.

В мыслях – белая мгла и приятная мыслям усталость.

Говорят, с годами река стала не та:

Обмелела, обросла звуками, солнцем и камышами.

Он не слушает, пишет свои акварели, сдувает пылинки с креста,

С Железного, боевого (единственно дорогого) креста,

По вечерам грузинские вина и пиво мешает.

Говорят, ночами все чаще мучают страшные сны:

Олово в глотках, воющие сарацины.

С потолка (который небо) берётся чувство вины.

Даже в акварели проникают рефреном **вины**.

Надо забыться, поэтому приходит друг,

Русский семинарист. Забываются, режутся в шахматы.

Жертвуя пешки, фигуры, смакуют игру.

Попивая вино, семинарист матует (bescheissenen Tag!),

Уходит... Уходит. Снится река, в которую не вошёл
(Берег левый, ощеренный, берег правый,
Тоже ощеренный), не та, возле которой так хорошо.
Впрочем, может быть, та, просто взрезанная переправой.

Снится здешний сосед по подъезду, симпатичный носатый скрипач

(Спорит о чем-то с солдатом, получает прикладом в грудь),

В горящем сарае кто-то шепчет: «Не плачь»,
Плач вообще и вот этот конкретный плач,
Слитые воедино.

.....

А утром всем миром встречают привычный паром
(Днище лодки скребет песок, колтуны в бороде у старца),
Гадают, что будет снится новоприбывшим, реки золочёный бром

Запускает в волосы и черепа по костяшки пальцы.

Новоприбывший забывает, что когда-то любил:
Целовал, смотрел в глаза, бил, умолял на коленях
И снова бил.

...Реки обмелевшей ил

Пропускает сны: сны, как и люди, – тени.

(Говорят, тени сгорят. Говорят, не останется тени.)

«Корни вцепились в горячую землю...»

Корни вцепились в горячую землю старой хрущёвки.

Квёлый росток упирается в точку на карте беззвездной.

Что там, в парсеках за твердью линиялой, безбожною без-
дной?

Где-нибудь в брошенной на произвол райской Борщёвке?

Может, приедешь туда, и не встретит никто, не узнает, –

Серый песок по колено, по грудь, респиратора выше.

Только ПЖ в нескончаемый выдох прерывисто дышит,

Только чатланин(?) с ключами в заброшенной каменной
нише,

Только экрана для астрономов заставка цветная.

Может, пойдёшь по колено в песке к позабытому дому

(Будет вернее сказать – к пепелищу – на горе/на горле),

Птенчик ты, слётушка, птенчик ты боженькин, птенчик
ты орлий...

Глянь – ничего, да и вправду, что чем ничевей, тем без-
донней.

Ходят над речкою, дышат с экрана буланные кони,

Гнётся у речки, ломается поле в хрущёвские кровли,

Тянут к земле, не пускают за ко~~н~~ями верные корни.

«Стремился к высокому...»

Стремился к высокому тягой табачного дыма.
Молчал, что рука как опора просто необходима.
Пил самую крепкую и дурманную влагу.
Во снах рисовал стихи на небоскрёбах Чикаго.
Руки водили по воздуху – кисть по стеклу и бетону,
Сам же пугался размахов грубых-зримых-весомых.
Ветер дописывал мастера росчерками-штрихами.
Влага дурманная изредка отдавала духами.

По совету старенькой (и опытной) бабы Вали,
Как египетских мумий тщательно пеленали.
К году забыл, как писать, рисовать и Чикаго.
Заговорил, в забытьи сжёг холсты и бумаги.
В три удивлялся смышленной кошке из «Репки».
В пять – небоскребы ломал на занятиях лепкой.
Бил по рукам тех, кто стремился выше.

Четырнадцатого апреля, утром, на вид – сорок лет, в старом трико, из дому за пивом и сигаретами вышел.

«Запечатанное в бутылку письмо с того света...»

Запечатанное в бутылку письмо с того света,
Поднесенное кем-то к затылку, к виску ли – это
Лечится в санатории закрытого типа,
Во дворе которого липа – горит янтарём, не стораёт липа.
Ты войдёшь в берега этой речки, томлёной гречки,
Что навроде закуски, и белочка на крылечке
Собирает семечки инвалидов и их семей,
Полные горьких от пережарки слюней,
И тебе всё покажется бледным, поскольку вечер и дей-
ствительно бледно,

Зажигаются меж/за решетками свечи, как свет последний
Перед армией, потому что явно косишь и конечно годеи, –
Не бывает разумнее стиш о бутылке и бутылки сей вне-
земной природе.

Сей разумное, доброе, вечное, сей пролесками гильзы гу-
сто,

Твоё место в палате мечено, ждёт тушёный фарш и капу-
ста.

Возвратятся не все, в дальних далях останутся сильные
духом.

Это божья непруха и ротного тоже непруха,

Потому что нельзя по матери, если повсюду черти,
И в глазах у чертей не навроне, а точно – смерти.

День седьмой

Сказки увязших по горло в траве и кафеле.
Чай для прогрева миндалин, терновый, как.
Краски, картинка – отточены частым надфилем.
В мёртвой глуши есть изящество, в крови – такт.

Зелень, вплетенная в кости, кресты телеграфные.
Вёрсты вокруг да около, рваный шёлк.
Знаешь, я видел морфины на этом кафеле.
Их не хватало, а Ты, избитый, шёл.

Знаешь, я видел, ослепший, как Фрейд безумствовал,
Обезоружен, смущён, целомудрен, как.
Знаешь, я видел: день седьмой в окне – искусственен,
Смятый низшею силой последний акт.

Знаешь, вначале была (да, она) истерика.
Сон был первой, но вначале была она...

Господи, доведи до другого берега.
Господи, не найди под пальто вина.

Бог не умер

У лотка с серым мясом нога увязает, уверенно – трудно
идти,

И солдат опирается на алебарду и серое мясо.

Вместо солнца холерного вертится шар на кости,

Бродит бог среди червей и рабов, без иконо и стасов.

Трудно богу нектар добывать из (помягче, помягче) дерь-
ма,

Серой жижи, в которой солдаты, монахи и блики юпите-
ров тонут.

Надвигается свет, тот, который прописан как внешняя
тьма.

Бог не умер, и небо за кадром синё и бездонно.

Перемотка назад. Не видны ни доносы, ни вехи, ни брод.

Бог идёт, у лотка с серым мясом нога увязает, идёт.

Шумовик так внимателен, словно от этого шага зависит.
Зависит.

Бог останется. Лентой, плетеной рабами, заложен Исход
Мысли(?)

«Пейзажная ценность картона не выше нуля...»

Пейзажная ценность картона не выше нуля.
На кухне два датских, не бритых кой день короля
Решают, кто призрак, кому за бутылкой идти.
И длятся за окнами вечные сны, (то)поля –
Без края, без смысла в заснеженном чьём-то пути.

А вьюга ломает, мотает по снегу картон.
Два датских решают, кто призрак, кто тёртый (калач?).
И длятся за окнами датскими стон, или плач
Стекает по тверди некрашенной старых окон.
И пишет великую драму великий палач.

И, мнится, в метели – единственный сын короля –
Картон ли, набросок ли тени наброском угля?
Выходит на сцену и смотрит печально окрест, –
Глядит, обретая предельную ценность с нуля,
Пропитанный смертью, вознёсшийся прежде на крест.

А выживший (с кухни) идет за бутылкой в поля,
Не плача, не каясь, великого разве моля, –
Великий не выдаст, свинья дайтобоже не съест...

Кулисы. Покойный в хламиде чумной короля.
Суфлер протирает очки. В тёмном зале нет мест.

У реки

Тапочки участковому – резиновые сапоги.

Пьют упокой и дышат в костёр неведомым табаком.

Это ловцы одесную сидят, у самой-самой реки.

Смотрят, как поплавок качает солнечным ветерком.

Все поимённо прописаны возле, разве гитара – нет.

В вязанных свитерах, водка льётся в чёрных бород мохер.

Только один, заливаясь слезами, ходит с горстью монет,

Силясь забросить в реку подальше, в реку глубже, но – хер.

Статуи места себе не находят в сонной воде реки.

Храмы пугают своим отражением чистые облака.

Дед заходит по пояс, прыскают искорками мальки.

Солнце вплавь огибает крест и старого рыбака.

Первосвященник и прокуратор спмят доносами Рим.

(Там, за рекой неживой, непроглядной, Рим, по всему, говорят.)

Звякание сандалий, тени боговы, – станешь седым.

Аве Тиберий, смилуйся, выпиши, выровняй в щётку ад.

Спит одесную Каин, и грезится – овцы поели овёс.

Спит одесную Авель, ягнёнка лучшего брату несёт.
Речка тиха, вдоль по тайному берегу тальника купорос...

Тычет в ладонь прикорнувшему деду мокрый, холодный
нос

Тот, чья молитва безмолвная силой чистой любви спасёт.

>>[Ω]<<

Фауст

Где ты, чернильная мышь с ланцетом резцов,
Пьющая кровь мудрецов, бестелесных слепцов?
Где ты гнездишь
Ся, голодную ночью, в какие болота?

Льются осока и вехи в провалы решётки. Рассвет.
Узница бредит. И разум спасителя мороком соткан.
В смысле, не знает, болезный, что не покидал кабинет.
В смысле, сморила за тиглем и красною ртутью дремота.

Вечная вечность, говаривал гугл-Т9, прошла.
Дьявол проспори́л все царства и славу, кресты, купола.
Вышел на встречну-
Юродивым, прочь – по касательной, что ли.

Тень хитреца и паяца простыла, и чарка вина.
Тень мудреца променяла ли горнюю волю на волю?
Кружит крылатая мышь, по натянутой коже видна
Жажда.

Но ей здесь не место – реальны осока, вина,
Плод наведённой любви, средь русалок, – реален, намо-
лен.

Вечная вечность, говаривать гугл-Т9 изволил.

Вечная вечность, осока и вехи, и чарка вина.

Об авторе

Артём Петров родился в 1981 году в г. Челябинске. Стихи начал писать примерно в 16 лет. С 2007 года член Литературного объединения ЧТЗ имени Михаила Львова.

Публикации: альманах «Южный Урал» (№7, 2011; № 13, 2018; №15, 2020; №16, 2021), журнал «Урал-Транзит» (№28, 2012), неоднократно – альманах ЛитО ЧТЗ «Вдохновение» (2012), литературный проект «Вещество»: «Вещество. Камень», «Вещество. Вода» (№№ 1, 2, 2017), электронный поэтический альманах «45-я параллель» (2020), литературно-исторический журнал «Александръ» (№1(40), январь 2020), различные коллективные сборники, интернет-ресурсы и проч.

Лауреат городского фестиваля «Память стучится в сердца» (Челябинск, 2010), поэтического конкурса, посвящённого 95-летию со дня рождения Л. К. Татьянической (Челябинск, 2010), один из победителей международного литературного конкурса «От 7 до 12» (Челябинск, 2012), лауреат I степени III Областного конкурса литературных объединений Челябинской области, номинация «Поэзия» (2021) и проч.

Благодарности

Хочу выразить благодарность и признательность:

- Литературному объединению ЧТЗ им. Михаила Львова – за поддержку, которая определила творческое развитие и благодаря которой я нахожусь на том пути, на котором нахожусь.
- Елене Штефан, замечательной девушке, краеведу и блогеру, без которой не было бы ни одной строки этой книги, а равно и значительной части моей жизни.
- сайту pixabay.com и его пользователю GieziUzziel, фотография которого легла в основу оформления обложки данной книги.

Пароли, явки

В этом разделе хотелось бы поделиться с читателем только одной ссылкой – на группу ВКонтате, где я выкладывал, выкладываю и, надеюсь, буду в дальнейшем выкладывать свои свежие стихи, а также новости, касающиеся своего творчества. Если хотите больше моих текстов, переходите: <https://vk.com/artneglin/>